

Н. Г. Багдасарьян²

МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ В СЦЕНАРИЯХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ: ВАРИАНТЫ И ИНВАРИАНТЫ

Принцип исключительной политической и культурной принадлежности отдельного человека к одному государству постепенно теряет актуальность. Возникла необходимость создания новой модели — модели «мирового» гражданства — люди должны наделяться правами независимо от их национальной принадлежности. Такую модель принято называть мультикультурной,

² Профессор кафедры социологии и культурологии Московского государственного технического университета им. Н. Э. Баумана, доктор философских наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 160 публикаций, в т. ч. монографий «Профессиональная культура инженера: механизмы освоения», «Культурология техники и инженерной деятельности: возможности и границы» (в соавт.), а также работ «Динамика профессиональных ориентаций студенческой молодежи», «Ценность образования в модернизирующемся обществе», «Сетевая коммуникация: узел отношений и цена проблем», «Концепт культуры в компетенциях инженеров», «Инженерно-техническое образование как гарантия социального прогресса», «Космос и логос любви в системе культуры», «Культурология в системах образования: познавательная значимость и методологический потенциал», «Культура как среда выживания: эффект бабочки и “окно принятия решений”», «Социально-гуманитарный научный дискурс в информационном ландшафте культуры», «Глобальное пространство культуры: разрывы современности в тенденциях и парадоксах». Член Экспертного совета при Комитете по международным делам Совета Федерации РФ.

то есть не ограниченной рамками какой-либо одной этнической общности. Мультикультурность означает защиту культурных особенностей разных этнических общностей от интеграционного процесса.

Но здесь возникают серьезные противоречия. Причем граница разногласий проходит не только между иммигрантами и принимающим сообществом, но часто и внутри диаспоры. Так, следствием установок мультикультурализма является широко распространенная практика насильственной выдачи замуж юных девушек-мусульманок, проживающих в Британии, которая на протяжении нескольких десятилетий сохранялась с молчаливого попустительства британского правительства — в первую очередь из-за боязни повредить этническим и религиозным чувствам меньшинств. Однако разве демократические права и обязанности не должны касаться каждого, в том числе иммигрантов? И разве нет опасности, что в противном случае «мультикультурный апартеид» может привести к победе мусульманских экстремистов? Таким образом, возникает явное противоречие между тезисом о том, что интеграция означает культурное разнообразие, и тезисом о том, что одинаковое право должно распространяться на всех — в том числе и на мигрантов.

Тем не менее миграция, представляя собой следствие естественных общемировых процессов, стала повседневной реальностью, включившись в транснациональные социальные потоки. Мигранты сокращают дистанцию между народами, обогащая культуру в целом, но создают одновременно и поля напряжения — как между принимающим сообществом и прибывающими, так и внутри каждого из этих сообществ в связи и по поводу правил и принципов включения новых граждан в жизнь национальных государств. Ясно, что поиск новых форм отношений становится чрезвычайно актуальной задачей.

Особый вес в этих условиях приобрела концепция толерантности. Напомним, что латинский термин “*tolerantia*” означал пассивное терпение, добровольное перенесение страданий и ассоциировался с такими понятиями, как «боль», «зло» и т. п. Разумеется, в ходе его применения произошли некоторые трансформации: с XVI века толерантность применяется в основном в сфере религиозной свободы и веротерпимости. Со стороны государства и официальной церкви разрешалось отправление иных религиозных культов, а несколько позже, уже в Новое время, к этому добавляется вопрос о взаимоотношении светской и духовной власти. В политический словарь принцип толерантности входит начиная с эпохи Просвещения.

Сегодня толерантность признается как один из основополагающих принципов гражданского общества, как важный элемент культуры общения — какой бы сферы такое общение ни касалось. Особенно в тех сферах, где сложно найти точный критерий истины, в частности, религиозной веры, моральных принципов, национальных традиций. С этим трудно спорить. Теоретически это красивая концепция и благородный принцип. Когда, однако, возникает непосредственная коммуникация, особенно если она отягощена социальными проблемами, то зачастую верх берет глубинное, архетипическое, спонтанно-негативное восприятие Другого, который в конкретной социальной ситуации воспринимается как чужой. Всплеск интолерантности неизбежен и в тех случаях, когда принимающее население, которое определяется как титульная нация, обеспокоено идеей национальной безопасности в ответ на стремление этнических сообществ к утверждению исключительного права на ресурсы той территории, куда оно переместилось и где пытается надежно закрепиться.

Таким образом, пропаганда терпимости (как рационализирующего сознания, выступающего следствием понимания опасности насилия) входит в явное противостояние с гораздо более сильными чувствами и эмоциями, имеющими иррациональный характер. Принимающее население в лучшем случае ждет от мигрантов адаптации, приспособления к их собственной культуре. Между тем миграция, принимая теперь уже транснациональный характер, требует и встречного процесса — адаптации местного сообщества к новым условиям его бытия.

Как бы то ни было, становится понятным, что толерантность как терпимость не имеет инструментальной перспективы. Наши личные наблюдения, как, впрочем, и социальные исследования, свидетельствуют о том, что значительно продуктивнее иная стратегия регуляции сложных, разнонаправленных социальных процессов,

которая проявляется в познании других культур, попытке их понимания и принятия как равноценных.

Здесь первостепенную роль, несопоставимую ни с какими другими институтами (религия, искусство, органы управления, правовые и административные организации), играет система образования как центральный механизм культурной регуляции. В рамках системы образования осуществляется реализация социокультурного взаимодействия всех трех уровней, которые выделяются в социуме.

Первый уровень. Институционализованная коммуникация. Она обеспечивает надежный познавательный контент информационного воздействия на субъекта, трансляцию устоявшихся пластов знания, напрямую взаимодействуя с личностной сферой человека, его мыслями, чувствами, когнитивными и ментальными реакциями, ценностными предпочтениями. Эффективность такой коммуникации будет достигнута лишь в случае педагогико-культурологического воздействия. Это означает, что каждый предмет и каждая дисциплина, содержащиеся в учебном плане, не преподносятся как абстрактное знание, а включаются в соответствующий культурный контекст.

Второй уровень. Неформальная коммуникация. Сегодня все чаще говорят о том, что образовательные системы разного уровня — школы, лицеи, гимназии, университеты — должны становиться культурными центрами, вокруг которых организуется неформальная коммуникация. Такая коммуникация требует неофициальных лидеров с ярко выраженной энергетикой, развивает у молодежи социальную и познавательную активность, внедряет в массовое сознание определенные нормы, стереотипы, ценности, главной из которых выступает ценность культуры. В этом процессе чрезвычайно важными являются качества личности лидера, степень осознания им своей ответственности, ибо результатом воздействия может быть как положительная прогрессивная динамика, так и регрессивная.

Описанные выше уровни предопределяют характер коммуникации *третьего уровня — уровня стихийного взаимодействия.* Стихийные коммуникативные связи не имеют целевого регулятивного импульса, они складываются в пространстве массовой культуры и обыденного сознания. Механизмы социокультурной регуляции на этом уровне обусловлены особенностями личности человека, и поскольку многократность и неупорядоченность трансляции создает вероятность сознательного или неосознанного искажения сведений и знаний, особую важность приобретает тот культурный багаж, который человек несет как следствие целенаправленного «строительства» личности в рамках институционализованного воздействия. Именно этот багаж позволит систематизировать разрозненные сведения, выстроит информацию в логическую цепь, уравнивает эмоциональные импульсы. Такой багаж преодолет поверхностное, наносное, формируя целостность и глобальность охвата культурного пространства, единое культурное поле. А осмысление унифицированных культурных смыслов открывает культурные достояния для участников культурных процессов, рождает оптимальные условия для их исследования и переработки.